

«ДЕЛО БЕЙЛИСА»

К столетию знаменитого процесса

Иосиф Лахман

«Дело Бейлиса» – под таким названием вошёл в российскую историю позорный судебный процесс по обвинению еврея Менахема Менделя Бейлиса в ритуальном убийстве христианского мальчика.

Несколько слов об истории «кровавого навета» на евреев. Кровавый навет - обвинение евреев в убийстве иноверцев (главным образом христиан) для употребления их крови в ритуальных целях, появился ещё в античном мире. В средние века такое обвинение было распространено в католической Европе. С XII по XVII век состоялось 150 с лишним процессов по так называемым «ритуальным» убийствам. Несмотря на абсолютную бездоказательность обвинений, суды выбивали у обвиняемых «признания» и приговаривали их к смерти. К XVIII веку в Европе ритуальные процессы практически прекратились. Но в России как раз в XIX веке был возбуждён целый ряд подобных дел. Ни по одному из них такое обвинение доказано не было. Тем не менее, оно возникало вновь и вновь и служило катализатором антисемитских настроений.

И вот уже в просвещённом XX веке в Российской империи затевается новый процесс по обвинению евреев в ритуальных убийствах.

События, предшествовавшие суду

12 марта 1911 года не вернулся из духовного училища ученик Андрей Ющинский. Об исчезновении мальчика никто не заявлял, и лишь через восемь дней, 20 марта, соседские мальчишки обнаружили труп Андрея в одной из пещер недалеко от кирпичного завода, где работал Мендель Бейлис. Труп был в значительной степени обескровлен. Предстояло найти убийцу (убийц) и выяснить мотивы этого зверского преступления. Для этого не надо было Шерлоком Холмсом. При объективном подходе к делу на оба вопроса можно было в кратчайший срок дать исчерпывающий ответ.

Недалеко от места убийства жила известная в округе воровская шайка. О ней и её «занятиях» все здесь прекрасно знали. Знала об этом и местная полиция. Было много улик, указывавших на то, что именно эта шайка виновна в убийстве мальчика. Дело в том, что Андрея Ющинского воровская банда использовала в квартирных кражах. Однажды Андрей поссорился с сыном "паханши" Веры Чеберяк и вроде заявил, что собирается настучать в полицию. Вот и решили его убить с максимальной жестокостью в назидание другим.

К чести киевских следователей, они с самого начала отстаивали версию об уголовном убийстве из мести и указали на главную виновницу – Веру Чеберяк. По настоянию следователей она даже была арестована. Однако высокое начальство всячески выгораживало истинную виновницу убийства, и она так и не была привлечена к суду. «Над домом (Чеберяк) как будто реет некое невидимое патриотическое знамя», — писал по этому поводу Владимир Короленко. По ироническому выражению Троцкого, полиция «так яростно штрафовала и конфисковала газеты за разоблачения воровской банды Чеберяк, как если бы дело шло о непосредственном оскорблении величества». Выгораживая Веру Чеберяк, реакционные силы начали «раскручивать» версию о ритуальном убийстве еврейского христианского мальчика.

Обвинение в ритуальном убийстве было первоначально инициировано местными антисемитскими организациями и тут же поддержано рядом крайне правых политиков и чиновников, включая министра юстиции Ивана Щегловитова и министра внутренних дел Николая Маклакова. В раздувание версии о ритуальном убийстве включилась вся реакционная печать Петербурга, Москвы и Киева. Под давлением этих сил местные

следователи, считавшие, что речь идёт об уголовном убийстве из мести, были отстранены от дела, и суд стал рассматривать лишь версию о ритуальном убийстве. Теперь ему осталось найти прямого виновника убийства. И он был «найден»: вину приписали Менделю Бейлису, 37-летнему еврею, работавшему приказчиком на кирпичном заводе, расположенном неподалеку от места убийства. Четыре месяца после обнаружения трупа мальчика Мендель Бейлис был арестован в качестве подозреваемого и провёл в тюрьме два года. Адвокат Бейлиса Василий Маклаков (об этом выдающемся человеке подробнее расскажу позже) назвал этот арест «капитуляцией власти перед правыми, юстиции перед политикой».

Надо сказать, что никаких улик, которые могли бы вызвать подозрение в причастности Бейлиса к убийству на религиозной почве, у полиции не было. Будучи сыном глубоко верующего хасида, Бейлис сам к религии был безразличен, он не соблюдал большинства религиозных обрядов и даже работал по субботам, что, как известно, является нарушением одной из десяти важнейших заповедей Торы. Было также известно, что он находился в хороших отношениях с христианским населением и, в частности, с местным священником. Как пишет один из биографов Бейлиса, репутация последнего была настолько высока, что во время октябрьского погрома в Киеве в 1905 г. к нему пришли местные члены Союза русского народа с уверением, что ему бояться нечего. Единственной «уликой» было то, что Бейлис работал по соседству с местом убийства.

После ареста Бейлиса противостояние реакционных и либеральных сил России стало заметно расти. 30 ноября 1911 года был опубликован протест, озаглавленный «К русскому обществу (по поводу кровавого навета на евреев)», составленный Владимиром Короленко. Этот протест подписали восемьдесят два известных писателя, учёных и общественных деятелей. Под этим документом, в частности, стоят подписи Зинаиды Гиппиус, Дмитрия Мережковского, Александра Блока, Максима Горького, Фёдора Сологуба, Леонида Андреева, Вячеслава Иванова. В воззвании напоминалось, что изначально «кровавый навет» возводился на первых христиан, и, в частности, отмечалось, что греческий патриарх Григорий назвал легенду об употреблении евреями христианской крови «внушающим отвращение предрассудком нетвёрдых в вере людей».

Нельзя не упомянуть среди страстных защитников Бейлиса такую фигуру, как Александр Федорович Керенский. В 1912 году Керенский был впервые избран в Государственную Думу. За пять дней до вынесения судом приговора по делу Бейлиса Керенский выступил инициатором принятия 25 адвокатами Петербурга резолюции протеста против, как в нём было сказано, «фабрикация процесса Бейлиса, против клеветнических нападок на еврейский народ, против насаждения расовой и межнациональной ненависти». В знак протеста против дела Бейлиса устраивались забастовки, студенческие сходки и другие подобные мероприятия; в случае вынесения обвинительного вердикта в Петербурге готовилась всеобщая забастовка.

Естественно, не могли стоять в стороне от развернувшейся борьбы по поводу процесса российские коммунисты. В Киеве Комитет РСДРП выпустил листовку, в которой, в частности, говорилось: «Наш голос – голос рабочего класса России, должен особенно сильно звучать в общем хоре протестующих голосов... Это дикий разгул царизма и его слуг – черносотенцев».

Кампания протеста против дела Бейлиса приобрела мощный международный характер. В марте 1912 года в Германии появился протест, подписанный 206 представителями немецкой интеллигенции, включая Томаса Манна, Герхарда Гауптмана и Вернера Зомбарта; вслед за тем появился протест 240 английских общественных деятелей, который подписала вся верхушка церкви во главе с архиепископом Кентерберийским, спикер палаты общин, бывший президент Академии Художеств Эдвард Джон Пойнтер, Герберт Уэллс, Оливер Лодж, Остин Чемберлен, Артур Бальфур, Джеймс Джордж Фрэйзер, Томас Харди и др. Во французском протесте, собравшем 150 подписей, приняли участие Анатолий Франс и Октав Мирбо. Протесты против затеянного антисемитского процесса

достигли и Соединенные Штаты Америки. Конгресс США потребовал от Президента страны расторгнуть русско-американский договор 1832 года, и в декабре 1911 года договор был денонсирован.

Важно отметить, что среди защитников Бейлиса были и такие видные русские националисты и антисемиты, как редакторы газеты «Киевлянин» Дмитрий Пихно и — после смерти последнего — Василий Шульгин. Пихно 30 мая 1912 года под заголовком «Вы сами приносите человеческие жертвы!» опубликовал в газете разоблачения одного из главных свидетелей обвинения, тотчас ставшие предметом обсуждения в Думе. Шульгин с первого же дня суда начал публикацию в «Киевлянине» серии статей с резкой критикой обвинения.

Мнение Шульгина имело большое значение. Как пишет один из серьезнейших исследователей «Дела Бейлиса», Морис Самюэл, «исходя от известного монархиста и антисемита, статья эта разнеслась как громовой удар по всей России, а его эхо — во всём западном мире». Михаил Меньшиков признавал, что Шульгин «несколькими газетными строками стёр, что называется, в порошок двухлетнюю работу прокурора киевской палаты, одобренную высшими чинами юстиции».

Правительство боролось с критиками процесса при помощи репрессивных мер. Всего во время процесса и в связи с ним было зафиксировано по разным данным от 66 до 102 случаев репрессий против печати. Так, по данным Льва Троцкого, было наложено 34 штрафа на сумму 10 400 рублей, конфисковано 30 изданий, в 4 случаях редакторы подверглись аресту, 2 газеты закрыты до суда. Утверждалось, что по связанному с делом публикациям было арестовано 6 редакторов, 8 привлечено к суду, 36 газет было конфисковано, 3 закрыты и выписано 43 штрафа на общую сумму 12 850 рублей.

Процесс

Процесс начался в Киеве 23 сентября 1913 года. К суду обе стороны – обвинение и защита – тщательно подготовились. Организаторы процесса постарались подобрать в качестве участников суда проверенных, преданных режиму людей. Не доверяя местным судебным властям, министр юстиции Иван Щегловитов назначил государственным прокурором вызванного из Петербурга Оскара Виппера, известного юдофоба и услужливого царедворца.

Поскольку в киевской судебной палате считали, что дело должно быть прекращено за отсутствием улик, и председатель киевского окружного суда отказался вести дело, он был заменён специально переведённым из Умани неким Фёдором Болдыревым, которому Щегловитов пообещал место председателя окружной судебной палаты. Надо сказать, что судья первое время вёл процесс, не проявляя открытых симпатий к стороне обвинения, однако в ходе суда он стал всё более откровенно принимать обвинительный уклон. Большим козырем Щегловитов считал подобранный состав присяжных доверенных.

В него были включены 12 полуграмотных и безграмотных человек (7 крестьян, 3 мещанина и два мелких чиновника). Щегловитов был уверен, что такими присяжными можно будет легко манипулировать. Примечательно, что параллельно в этом же здании суда шли еще два уголовных процесса. В одном из них по какому-то мелкому делу в составе присяжных было два профессора и только двое крестьян.

К счастью, надеждам Щегловитова и его компании не суждено было сбыться. Просчитался Щегловитов и с назначением эксперта по ритуальным проблемам. Ему, разумеется, очень хотелось, чтобы таким экспертом на суде выступил какой-нибудь иерарх православной церкви. Однако, к чести церкви, ни один из её представителей не согласился выступить экспертом обвинения, и подтверждение наличия ритуальных убийств в еврейской религии было поручено привезенному из Ташкента католическому ксёндзу Иустину Пранайтису. Пранайтис на суде старался доказать, что иудаизм предписывает

ненависть ко всем неевреям, а также ритуальные убийства, цитируя при этом Талмуд и каббалистические трактаты.

Однако защита уличила его в полном незнании еврейской религиозной литературы (он не смог ответить на целую серию вопросов, содержащих названия частей Талмуда); он не мог указать в еврейском тексте книги названные им места и в конце концов признался, что цитировал Талмуд по фальсифицированному немецкому переводу. На ряд вопросов по Библии он вообще отказывался отвечать, так как, по невежеству своему, не знал ответа на них. В одном из полицейских отчётов отмечалось, что «ввиду дилетантских знаний, ненаходчивости экспертиза Пранайтиса имеет весьма малое значение».

С целью морального давления на присяжных сторона обвинения доставила в суд и предъявляла им мощи Гавриила Белостокского, канонизированного православием в 1820 году в связи с «кровавым наветом» (об использовании этого кровавого навета в неблагоприятных целях в наши дни речь пойдет ниже).

Накануне процесса, и, очевидно, не случайно, была переиздана брошюра 1844 года «Розыскание об убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их», авторство которой несправедливо и провокационно приписывалось Владимиру Далю. Этот документ, составленный по материалам антисемитских изданий XVII–XIX вв. в Польше и Германии, Министерство внутренних дел представило Николаю I как доказательство ритуальных убийств, практикуемых евреями.

Таков был «бастион», построенный реакционными силами в поддержку обвинения Бейлиса в ритуальном убийстве.

Однако защита Бейлиса собрала намного более сильную «команду». В богословской экспертизе со стороны защиты участвовали видные гебраисты (специалисты по ивриту): академик Павел Коковцов, считавшийся одним из крупнейших гебраистов и семитологов эпохи; профессор Петербургской духовной академии Иван Троицкий, крупный еврейский религиозный деятель, московский казённый раввин Яков Мазе, а также профессор, специалист по еврейскому языку, библейской археологии и истории философии Павел Тихомиров. Все они убедительно доказали абсурдность обвинения евреев в употреблении крови для ритуальных целей. Они указывали на принципиальный запрет употребления крови в пищу, содержащийся в иудейской религии, и доказывали, что еврейская религиозная традиция признаёт универсальную нравственность и моральные обязанности евреев перед неевреями, если последние исполняют т. н. «Семь заповедей Ноя».

Думаю, стоит напомнить эти заповеди:

1. Запрет идолопоклонства.
2. Запрет богохульства.
3. Запрет убийства.
4. Запрет прелюбодеяния.
5. Запрет воровства.
6. Запрет употребления в пищу плоти, отрезанной от живого животного.
7. Обязанность создать справедливую судебную систему.

На суде Менделя Бейлиса защищала первоклассная «сборная» адвокатов. Из глубокого уважения к ним назову их по фамилии, имени и отчеству: Василий Алексеевич Маклаков, Оскар Осипович Грузенберг, Николай Платонович Карабчевский, Александр Сергеевич Зарудный, Дмитрий Николаевич Григорович-Барский. В печати тех лет можно найти много лестных отзывов о каждом из них.

Так, Грузенберг характеризуется, как адвокат-боец. Милюков сказал о нём: это «человек большого таланта и, главное, человек честный». Для евреев он был национальным защитником, русские антисемиты называли его «жидовский батько».

Выдающимся адвокатом был Карабчевский. Высоко ценили его ораторское искусство. Подобно Плевако и Кони, он не писал свои судебные речи, а всецело полагался на импровизацию, пытаясь подготовить публику.

Зарудного многие считали одним из лучших уголовных защитников. Специалисты признавали, что как адвокат он всегда отлично знал дело, которое ему поручали. В интересах своего подзащитного он доходил до тонкости, всё принимал в расчёт.

Высококвалифицированным адвокатом считали и киевлянина Григоровича-Барского, хотя на процессе он выглядел несколько бледнее своих столичных коллег. В своих речах на суде все адвокаты выступили с убедительными речами, разоблачая как кровавый навет на евреев, так и предъявленные Бейлису обвинения. Особую роль на заключительном этапе процесса сыграл адвокат Василий Маклаков.

Я хочу ещё раз процитировать американского писателя Мориса Самуэля, тщательно изучавшего дело Бейлиса. В своей книге «Кровавый навет» он пишет: «Беспристрастно говоря, самым выдающимся среди защитников был Василий Алексеевич Маклаков; он был родным братом Николая Маклакова – царского министра внутренних дел, лишённого каких-либо принципов, антисемита, работавшего рука об руку со Щегловитовым. Он не играл особой роли на бейлисовском процессе до самых последних дней, но тут, в заключительной своей речи, затмил всех своих коллег. Будучи необыкновенно умным человеком, он полностью угадал, на каком, доступном для понимания языке нужно убеждать простых, необразованных людей (присяжных)».

Обращаясь к этим людям, от которых зависел окончательный приговор суда, Маклаков сказал: «Бейлис смертный человек. Мало ли невинных людей было осуждено? Жизнь человеческая коротка – они умерли, и о них забыли. Умрёт Бейлис, умрёт его семья, всё забудется, всё простится, но этот приговор... Этот приговор не забудется, не изгладится, и в России будут вечно помнить и знать, что русский суд присяжных из-за ненависти к еврейскому народу отвернулся от правды». Считают, что именно речь Маклакова 25 октября 1913 года смогла переломить настроение присяжных, которых представители обвинения убеждали в «преступлении» Бейлиса.

Приговор и его общественный резонанс

28 октября 1913 года состоялось заключительное заседание суда. Председатель суда, на первых порах ведший процесс достаточно корректно, под конец принял откровенно обвинительный уклон. По мнению В. Г. Короленко, председательское резюме по делу было необъективным и фактически напоминало новую обвинительную речь, что вызвало протест защиты.

Присяжным было задано два вопроса. Первый звучал так: «Доказано ли, что 12 марта 1911 года ... в одном из помещений кирпичного завода ... Андрею Ющинскому при зажатом рте были нанесены колющим орудием ... раны, ... давшие вследствие этого обильное кровотечение, а затем, когда у Ющинского вытекла кровь в количестве до 5-ти стаканов ему вновь были причинены таким же орудием раны в туловище, ... каковы ранения в своей совокупности числом 47, вызвав мучительные страдания у Ющинского, повлекли за собой почти полное обескровление тела и смерть его?».

Присяжные ответили на этот вопрос утвердительно, и обвинение заключило, что, мол, факт ритуального убийства установлен. Второй вопрос касался непосредственно Бейлиса: «Виновен ли подсудимый?» Ответом на него стало: «Нет, невиновен».

В 6 часов вечера 28 октября 1913 года Бейлис был оправдан. Сразу после оглашения приговора из обоих лагерей – правого и левого – появились многочисленные отклики на исход процесса. «Через каких-нибудь четверть часа после получения в Петербурге известия о результатах дела, – сообщал «Петербургский листок», – на телефонной станции стали загораться по несколько тысяч сигнальных лампочек. Причина вызовов — желание

порадовать (или огорчить) знакомых исходом дела Бейлиса. 400 000 телефонных соединений за 3 часа. Телефонистки для уменьшения работы стали сами сообщать о результатах киевского процесса».

Реакционный лагерь воспринял оправдание Бейлиса как своё тяжелое поражение, как «судебную Цусиму». Однако ответ присяжных на первый вопрос председателя суда реакционеры посчитали своей победой и... торжеством правосудия. Сам царь Николай II заявил: «Очевидно, что произошло ритуальное убийство, но я счастлив, что Бейлис оправдан, потому что он невиновен».

Вся либеральная Россия, естественно, встретила, оправдание Бейлиса восторженно. Своё впечатление от исхода процесса по горячим следам описал Владимир Короленко: «... Радость была огромная... Такая общая радость, такой поток радости, что в нём прямо потонуло впечатление от тысячи черносотенцев, собравшихся тёмным пятном у Софийского собора... Я рад, что видел это собственными глазами». Кстати, после процесса Короленко приехал к Бейлису, чтобы поздравить его с оправданием.

Дело Бейлиса явилось самым громким процессом в дореволюционной России. Это был не обычный суд над человеком, пусть даже по такому серьёзному преступлению, как зверское убийство. Это было, по меткому определению лондонской "Times", «сражение громадного политического значения; здесь не дело Бейлиса; возможно, что это последний бой глубоко закоренелых реакционных сил империи против всего прогрессивного, что есть в России».

Общественные деятели разных направлений высоко оценили судебное оправдание Бейлиса. Так, Лев Троцкий назвал результат процесса «моральным банкротством» правительства. По мнению известного политического деятеля, одного из основателей партии эсэров Виктора Чернова, провал обвинения на процессе Бейлиса «... принадлежит к числу блестящих страниц борьбы русской общественности с язвой антисемитизма».

И в наши дни суд над Бейлисом и его последствия вызывают неослабный общественный интерес. Свидетельство тому – огромное количество публикаций (книг, статей), появившихся в России в последние годы, и особенно в 2013 году, когда отмечалось столетие процесса.

Хотелось бы привести и ряд примеров, показывающих, как процесс Бейлиса увязывается с конкретными событиями в современной России. В 1963 году, когда Самуилу Маршаку рассказали о деле Бродского, он заплакал и заявил: «Если у нас такое творится, я не хочу больше жить... Это дело Дрейфуса и Бейлиса в одном лице. Когда начиналась моя жизнь, это было. И вот сейчас опять» (См. Лидия Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. 1963-1966, М., «Согласие», 1997, с. 78).

С процессом Бейлиса сравнивают и недавний суд над художником Ильей Фарбером, обвиненном в получении взятки. В качестве «бесспорного доказательства» вины Фарбера прокурор привёл следующий «убийственный» аргумент: «А может ли человек по фамилии Фарбер бесплатно помогать деревне?»

Со своей стороны, реакционные силы России не прочь вновь и вновь воскрешать кровавый навет на евреев, реанимировать в массовом сознании один из старых антисемитских мифов. Так, совсем недавно, летом 2012 года, это продемонстрировал Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Во время визита в Польшу он посетил «мощи жидами убиенного младенца Гавриила».

Вкратце расскажу об этом «кровавом навете». В 1690 году в Белостоке якобы был похищен и убит местным евреем арендатором шестилетний крестьянский мальчик Гавриил. Легенда описывает мучения отрока: убийцы «внесли его в темное место, распяли и пустили из боку кровь». На гробнице мальчика были выбиты и до сих пор сохраняются следующие «подробности» убийства «на ритуальной почве»:

Арендарь жид из Зверков,
Выбравши годину,
Апреля одиннадцатого
Схватил мя детину.
На свой воз и завезли
До Белого Стоку,
Где первее кровь мою
Пушали из боку;
А потом мя вкинувши
До темнаго лиоуху,
Пудцадлами стощали
Кровь с мене по троху.

Жид арендарь из Зверков
Шутко прозывался,
Мучили, поки с Бресци
Весь кагал собрался.
Собравшись шайками
Везде мя ранили,
Аж даже конечнее
Кровь с мене стащили.
Умертвивши, на части
Не дробили тело,
Но на ниву у жито
Выкинули цело.

Это единственное, с позволения сказать, «документальное свидетельство» преступления, якобы совершенного евреем триста с лишним лет назад. И вот могилу «жертвы» этого преступления публично посещает глава Русской православной церкви.

В интернете во множестве распространяются антисемитские материалы, авторы которых стараются доказать обоснованность обвинений евреев в ритуальных убийствах. Так, например, Дмитрий Добров, заваливший интернет своими злобными антисемитскими статьями, в одной из них заявляет: «Прямых улик на Бейлиса нет, но имеется потрясающее, редчайшее сочетание фактов, которое прямо и недвусмысленно указывает на Бейлиса как виновника убийства Андрюши Ющинского».

В заключение можно утверждать, что в ходе процесса по «Делу Бейлиса» победили имевшиеся в обществе здоровые силы. Кто знает, может, со временем эти первые ростки правовой системы и гражданского общества выросли бы в крепкий жизнеспособный организм. Но этому не дано было осуществиться... О сложившейся в наши дни в России судебной системе мы хорошо знаем.